

Бессарабский альбом

Сборник рассказов

Георгий КАЮРОВ

Георгий Каюров
Бессарабский альбом. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Каюров Г. А.

Бессарабский альбом. Сборник / Г. А. Каюров — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Сборник рассказов.

Аисты – не улетайте рано

Рассказ

С первых дней осени жители села Табаки забеспокоились о зиме. Уборочная страда была в самом разгаре. Весь собираемый урожай, до зёрнышка, отправлялся на станцию для погрузки в вагоны и увозился далеко на восток страны. Бригадиры, политработники и разного уровня проверяющие из Одессы подгоняли колхозников и отслеживали погрузку. Бригады рвали жилы, и с каждым убраным гектаром тяжелее становилось на сердцах колхозников. Урожай увозился, уборка заканчивалась, а из чего обещанное на трудодни раздавать будут, не видно.

Утром, собираясь бригадами, сельский люд подолгу толковал о том, что их ожидает зимой. Как прокормиться самим, чем кормить детей, о скотине уже и не думали. Тайком говорили о новой власти... Зароптал народ. К голодной зиме не пригодишься. Страх забродил в крестьянских душах.

К разноголосому гомону прислушивался дед Гаврила. Ни свет ни заря он выходил из дому, чтобы проводить на поля зятя Семена и пристроиться у дуvara*, послушать, о чем ведут разговор односельчане. Слушая, качал головой и похихикивал в бороду, потирая надавленные об цементный накат дуvara локти.

Местом сбора крестьянских бригад служила небольшая площадь у магазина сельпо, а дворовые ворота деда Гаврилы – в сторону, напротив. Бессонница гнала Гаврилу на улицу. Он бы рад поработать в поле, но не брали его, – проку мало, – стар больно и никудышен. Бригады собирались и по-тихому отправлялись на работы. Обязательно отобьется кто-то из мужиков и прихватит литровку вина, тайком протянутую дедом Гаврилой. На прощание подбодрят деда, а то и попросят:

– Мою детвору увидишь, скажи, чтобы долго не болтались по улицам.

– Гаврила, жене передашь, поздно буду сегодня.

Тот заулыбается, помашет и в спины перекрестит всех. Но в эту осень чуть ли не единственная просьба была к деду Гавриле:

– Гаврила! Следи за приметами.

– Дед Гаврила! Зимы не прозевай!

И дед Гаврила, устроившись у летней кухни, с самого утра подставляя щеку осеннему солнцу, а спину грея об теплые ворота подвала, подолгу заглядывался на небо. Еще его старики рассказывали, – с сентября надо следить за аистами. Если полетят на юга в первой половине, – жди лютой зимы.

Седьмого сентября, едва бригады разошлись по нарядам, а дед Гаврила примостился с табуреткой у подвала, как многоголосое прощальное курлыкание донеслось с неба. Дед Гаврила задрал голову кверху, отекающей жменей прикрывая от солнца глаза, и от удивления, каким длинным был птичий перелетный косяк, даже привстал.

– Ф-фю-ють! – присвистнул Гаврила. – Всем базаром и поднялись, – и долго еще смотрел им вслед. Зима предстояла длинной и морозной. Покатались слезы по щекам деда Гаврилы, то ли от солнца, то ли от тоски – голодная будет зима. Дед Гаврила надолго запомнит эту дату.

Чем ближе к концу уборочной, тем чаще гоняли по селу полуторки, пугая селян воронками и увозя очередного расхитителя социалистической собственности. Старухи, при виде воронок-призраков, долгим взглядом провожали их, пока те не скрывались за поворотом, и подолгу крестились, торопливо ступая домой. В будке мог быть и сосед и, не дай бог, свой. Волок с поля мешок кукурузы или ржи и попался. Конец семье, пропадет зимой без кормильца. Молчит село. К ночи узнает по голосистым бабьим плачам, чей двор осиротел.

Уборочную закончили раньше календарной, но все равно кукурузу убирали с заснеженных полей.

В одно из утр не собрались бригады, – распустили, до весны в них больше не было нужды. Не вышел и дед Гаврила на дувар, он уже будет выходить к обеду, поглазеть на улицу, улыбаться в бороду и помахать прохожему в спину.

Село не спешит рано просыпаться, продлевать по утрам ночную тишь, спит подолгу народ, натягивает завтрак на обед. Сон морит голод. Изредка какая-то молодлица выскочит на двор выплеснуть ведро с ночи или пустую банку насадить на штакетник, отгораживающий палисадник, кинет на веревку просохнуть ребячью тряпицу и мигом в дом, выбросив из-за двери клубы пара.

Совсем немного, и темными утрами потянутся в Болград каруцы,* набитые свеживанными тушками домашнего скота. Первый признак, – крестьянин чувствует голод и старается сохранить в скотине вес, нагулянный за лето на пастбищах. Когда ослабнет телка, не продать, а, не дай бог, задохнется... Голод не тетка, доводилось не брезговать и падежом – выживать надо было. Никому не пожелаешь.

Снявшиеся с заток «всем базаром» еще в первых числах сентября, аисты принесли и раннюю зиму. Народ приметил, не обманешь. С начала октября как похолодало, и больше не отпускало, а на пороге ноября село проснулось белым. Снег ночью тихо лег, – татью. Спит народ, не радуется. Редкими слабенькими дымками курится заснеженное село.

Еще с ночи Гаврила проводил дочку с зятем на железнодорожную станцию, может, чего перехватят из еды – товарняк просыплет зерна, солдаты будут ехать да подкинут. На прошлой неделе один солдатик бросил из вагона газетку, а в ней и кусочек сала, и краюха, и луковица. Сама газетка так пропиталась салым жиром, что ребятня с буквами его и обсосала.

Гаврила с утра пораньше взялся за лопату и, громко шкрябая по цементному двору, расчищал тропки от снега. Снег густо облепил землю, тоже примета некудышняя. Пока Гаврила до калитки очистил, взмок. Последний раз шаркнув лопатой, он довольно окинул сделанную работу и собрался вернуться в дом, когда послышался незнакомый гул. Гаврила прислушался, не показалось ли? Гул доносился явственно и приближался со стороны мельницы на крае села. Гаврила медленно, с ленцой направился на улицу, стараясь на слух угадать. Состроив обеими пригоршнями на лбу козырек, всмотрелся в конец улицы. Гремя каруцами, в село вползал обоз. Что разглядел Гаврила, только бог и он сам знали, только Гаврила тяжело покачал головой и нервно затоптался на месте, словно забыв, зачем вышел и что делать собирался. Покрутился-покрутился на одном месте и неожиданно замер. Потом быстро развернулся и, насколько хватало прыти, скрылся во двор. Закрыл калитку на дополнительный засов из шелковицы и на всякий случай проверил на крепость ворота. Немного успокоившись, взобрался на излюбленное место и приготовился разглядывать. К этому времени обоз медленно проползал уже мимо Гаврилиных ворот. Из всех каруц торчали многочисленные детские головы. Ни голосов, ни ржания лошадей не слышалось, только глухие удары деревянных колёс обитых коваными обручами. Проследовала первая каруца, за ней вторая, следующая, следующая... Зрелище предстало тревожное – в каждой каруце сидели, плотно прижавшись, ребятишки. Их ослабленные голодом тела поддерживали друг друга. У многих голова лежала на плече соседа. Несколько каруц ехали накрытыми брезентом. Гаврила содрогнулся, когда разглядел свисавшие из-под брезента белёдые детские конечности.

Кони головной каруцы ткнулись мордами в забор у магазина, и весь обоз начал замедлять ход, собираясь на площади. От головной каруцы отделился провожатый и, подойдя к дверям магазина, с силой постучал. Только сейчас Гаврила усмехнулся в бороду. Магазин давно не работал. Короткая улыбка запуталась в бороде деда Гаврилы и незаметно слетела.

Одна из каруц отстала от обоза и остановилась напротив деда Гаврилы. Несколько человек, соскочивших с неё, разошлись по дворам. Двое, оба в шинелях без пагонов, один – высокий и худой в ушанке, а второй – пониже, в фуражке без кокарды, направились к Гаврилиным

воротам. Дед Гаврила, насколько был способен, быстро присел на корточки и даже голову прикрыл руками. Шаги и голоса чужаков послышались у самых ворот.

– Открывай дед! – грозно приказали за воротами и принялись нервно нажимать на кованую ручку калитки, а та отвечала с Гаврилиной стороны звонким лязгом кованного языка. Дед Гаврила примерялся прищуром к засову, покачал головой и заулыбался в бороду. Что обозначало это покачивание? То ли он показывал, – засов не сломать, выдержит, то ли, наоборот, сомневался в надёжности домашнего защитника, то ли вообще, говорило его покачивание, что открывать не собирается. Дед Гаврила украдкой выглянул сверху из-за дувара на непрошенных грозных гостей, встретился взглядами с чужаком в ушанке и скрылся.

– Полоумный, что ли? – злились за калиткой. – Зови хозяев!

Дед Гаврила, пригибаясь, торопливо засеменил вглубь двора. Вслед ему продолжал бить кованный язык задвижки, но Гаврила даже не обернулся, спеша спрятаться в доме. Он остановился только тогда, когда явственно услышал голоса во дворе. Один из чужаков свесился через дувар и тянулся откинуть засов. Это у него получилось, и калитка широко распахнулась.

– Собака есть? – врываясь во двор и оглядываясь вокруг, спросил тот что «в ушанке».

– Какие собаки, Панкрат Ильич? – уныло взирая по сторонам, ответил ему товарищ. – Голод на дворе.

– Ты тут не агитируй, Кузьмич! – грозно посмотрел на товарища «в ушанке». – Мне этих надо кормить, – и он указал большим пальцем за спину. – Живыми довести и сдать из рук в руки, а там пусть хоть все вымрут.

– Не меньше твоего хочу довести всех живыми, – тяжело вздохнув, ответил Кузьмич. – Я все-таки директор этого детского дома. С меня и спрос двойной.

– Директорствовать будешь там, когда приедем, – рубил как с плеча «в ушанке», снова забросил кулак с указательным пальцем за спину.

– Везде, где мои детдомовцы, я директор, – спокойно парировал Кузьмич.

За коротким разговором они в несколько шагов догнали деда Гаврилу и проследовали мимо, словно того и не было. Проходя вдоль дома, «в ушанке» потянул за тряпку в стене. Тряпка вывалилась большим кляпом, и из открывшейся дыры вырвался пар. «В ушанке» отпрянул, а Кузьмич заглянул в парящую дыру, которой оказался оконный проем без стекла.

– От холода спасаются таким нехитрым способом, – вздохнув тяжело пояснил Кузьмич и, подняв тряпичный кляп, заткнул дыру.

Чтобы войти в дом, непрошеным гостям пришлось пригнуться перед низкой дверью.

– Ох и вонище! – поморщился «в ушанке», воротя физиономией. – Кто заткнул окно?

С этими словами он на ощупь подошёл к стене и ткнул кулаком, выбивая кляп. Сквозь образовавшийся просвет в дом ворвались морозный воздух и немного света.

Изнутри дом больше походил на большую кухню, стены которой набили из самана, замешанного на крупной соломе, и покрытую снопами. Стены тщательно оштукатурены, но не белены. В доме стояла крошечная тьма, подрагивающая лампада служила единственным освещением. Два маленьких окна были забиты тряпчатыми кляпами. Дверь предусмотрительно обмотана тряпками, тоже для теплоты. В доме стоял терпкий навозный дух непрветриваемого помещения.

– Глаза режет от вони, – часто моргая, «в ушанке» всматривался в глубину комнаты.

Чужаки оглядели внутренности комнаток. С двух кроватей, лёжа как придётся, на них смотрели с десятков пар испуганных болезненных глаз.

– Вот это да! – воскликнул Кузьмич. – Сколько же вас тут?

– Девять, – выступая вперёд, тихо произнесла рослая девочка. Она лежала с младшими детьми, но, услышав шум на дворе, поднялась и успела накинуть мамин платок на плечи. Судя по росту, ей бы быть взрослой девушкой, но голод не дал ей развиваться в девушку. Перед чужа-

ками стоял полуживой девичий скелет, обтянутый кожей. По-видимому, в отсутствие родителей она управлялась с детьми.

– Где взрослые? – отворачиваясь, поинтересовался «в ушанке».

– За едой... – девочка запнулась, переводя дыхание, и продолжила: – ... пошли на станцию.

Опираясь на больное колено, в комнату вошёл дед Гаврила. Он так и остановился у порога: одна нога на пороге, а другая – в комнате. Гаврила, покачивая головой, уставился на стену и слушая чужаков испускал усмешки.

– Это кто? – кивнул за спину «в ушанке».

– Деду... – девочке сил не хватило договорить, и она села на кровать.

– Он что, чокнутый, у вас?

Никто не ответил. «В ушанке» прохаживался по комнатухе, собираясь с мыслями.

– Ладно, – неожиданно сказал он. – Еда в доме есть?

– Товарищ Михайлов, – тихо позвал Кузьмич, но «в ушанке» взорвался:

– Что товарищ Михайлов!? Я Михайлов?! Тех сто двадцать заморышей кормить надо или нет!? Товарищ директор!

Выпалив накопившиеся нервы, «в ушанке» оттолкнул деда и, ударив ладонью по двери, выскочил во двор. Следом вышел и Кузьмич, по пути подняв и вставив тряпичный кляп в оконный проем. Дед Гаврила, усмехаясь в бороду, ковылял следом. Уже у самой калитки им на встречу во двор вбежала женщина. От ее появления дед Гаврила даже сел на приступку, вымощенную вдоль дома, и закачал головой, но не усмехнулся, только широко раскрыл глаза, наполнившиеся тревогой.

– Кто такие? – женщина задыхалась от бега. – Что надо?

– Ты кто такая? Имя? – грубо оборвал её «в ушанке».

– Полина. Это мой дом, – взгляд женщины загорелся голодной злобой.

– Еда есть? – продолжал допрос «в ушанке».

– Нету, – отрезала женщина и, отвернувшись, быстро пошла к дому. Она еще что-то буркнула себе под нос, но «в ушанке» уловил её слова.

– Говоришь, своих бы прокормить? Значит, есть еда! А ну-ка пошли, – скомандовал он Кузьмичу.

– Остановись, Панкрат Ильич, – попытался сдержать товарища директор.

– За мной! – был неумолим «в ушанке», зорко следя за удаляющейся женщиной.

Проходя мимо Гаврилы «в ушанке» отрезал:

– Стой здесь, дед!

Чужаки по пятам хозяйки ворвались в дом. «В ушанке» снова повыбивал кляпы из окон и приказал директору:

– Следи за дверью, чтоб никто не прошмыгнул.

– Что за ней следить? – раздражённо возразил тот, окинув взглядом голодных, обессиленных детей. – Кто тут в состоянии прошмыгнуть?

– Муж есть? Где он? – гаркнул «в ушанке» в самое лицо женщины.

– Не знаю, – ни один мускул не дрогнул на её лице. – Уехал, а куда, и не знаю.

– Давай, доставай еду, нам некогда тут с тобой валандаться.

– Нету, – с вызовом выпалила Полина и зло сверкнула глазами. – Этих ты мне кормить будешь?

– Сколько у вас детей? – равнодушным тоном поинтересовался Кузьмич. Он не смотрел ни на женщину, ни на перепуганных детей. И вопрос задал, только чтобы напомнить «в ушанке» о том, что семья многодетная, и разжалобить лютующего товарища.

– Все тут. Девять, – с надеждой в голосе произнесла женщина.

– Ты что либеральничать вздумал! – взревел «в ушанке», поняв, куда клонит директор. – Либеральными намеками саботируешь! У меня в обозе сто двадцать полуживых сирот войны и восемнадцать подошедших от голода.

– Я тоже отвечаю за обоз, – попытался возразить Кузьмич, но «в ушанке» оборвал его на полуслове.

– Ответишь! За либерализм ответишь сполна! А пока я отстраняю тебя... – «в ушанке» не договорил. Его остановил жесткий взгляд директора. «В ушанке» стало не по себе, он немного успокоился: – Ты пойми, мы за эти восемнадцать трупов ответим, а если добавится еще, то даже не знаю, что будет.

– Делай, как знаешь, Панкрат Ильич, но жизнь на жизнь не самая удачная мена, – со злостью скомкав фуражку, Кузьмич вышел из дома.

– Предлагаю добровольно сдать продукты для обоза детдомовских сирот, следующих к месту приписки, – переведя дыхание, чеканя каждое слово, проговорил «в ушанке».

– Не дам! Сами не знаем, как до весны доживем, – с этими словами Полина оглядела детей. Те не спускали тревожных взглядов с мужчины. «В ушанке» молча прохаживался по комнате, багровея от злости.

– А ну слезли все, – вдруг взвизгнул он. – Нарожала, вырождков!

Дети, продолжавшие лежать на кроватях и глядеть из-под одеял, тихо перешептываясь, покорно спускались на пол, обнажая голые тощие ноги. Все были одеты в старые заштопанные сорочки. На полу они встали в кучу вокруг старшей сестры, прижавшись, друг к другу и подрагивая, то ли от холода, то ли от страха.

– Знаем мы вас, куркулей – «в ушанке» принялся заглядывать всюду, опрокидывая матрацы и сбрасывая одеяла с подушками на пол. Полина следом все поднимала и кое-как расстилала обратно. «В ушанке» ничего не находил и это его злило еще сильнее.

– Не смей поднимать! – злобно взорвался он. Вздрогнувшая от дикого окрика женщина бросила обратно поднятую вещь и, теряя силы от охватившего страха и беспомощности, опустилась на край кровати и заплакала. Она пыталась разжалобить чужака, рассказывая, как тяжело поднимать детей, а у нее их девятеро душ, надо всех кормить, растить, а впереди долгая зима. Младшенькие тоже стали плакать. Старшие их успокаивать. «В ушанке» топтался по вещам и с неистовой злобой пинал их ногами. Не уходить же с пустыми руками, говорил его обезумевший от упрямства вид.

– Погреб, подвал есть? – зло уставившись на детей, процедил «в ушанке». Дети попятились от вида чужака. От неожиданного вопроса у Полины даже слезы просохли. Она вспомнила о спрятанных в кладовке закатынных банках с кониной и двух мешках с кукурузой. Все припасы они с мужем припрятали под кучей кукурузных кочерыжек. Спрятано хорошо, если не перерывать кучу, не найти, но когда сами дети топили печь, то могли разворошить кучу и кое-где виднелись банки. Их было не много. Разделили по одной банке на неделю и все равно голодали – девять ртов только детских! «В ушанке», ожидая ответа, медленно повернулся к женщине, а для Полины это послужило сигналом. Она стремительно бросилась на выход. «В ушанке» в два прыжка догнал и сшиб женщину с ног, но та, упав, смогла быстро вскочить и перегородила двери.

– Не дам!!!

– Пошла прочь! – «в ушанке» на этот раз с такой силой откинул женщину, что Полина отлетела к противоположной стене и, ударившись головой о литую станину швейной машинки, рассекла лоб. Кровь окропила пол и нависла на бровях. Полина оторвала ленту от подъюбника, обтерла ею кровь и прижала ко лбу.

Швейная машинка «Зингер» была подарком многодетной семье от немецких солдат, когда те недолго квартировали в их селе. Оставили немцы еще и две походные раскладные кровати. Полина с мужем одну разместили встык к своей кровати, а вторая не поместилась в кро-

хотной комнатке, так и стояла сложенная у стены на приступке. Позже её прихватили румынские солдаты, когда отступали. В семье о кровати не жалели, хотя на трех кроватях было бы лучше всем разместиться, но все равно ставить негде было. Полина немного попилила супруга – все-таки следовало припрятать кровать. Со временем расстроились бы, и появилось место, дети-то растут.

Швейная машинка – это единственное, чем по-настоящему была богата семья деда Гаврилы. Этот молчаливый член семьи подкармливал всю семью. Полина никогда не отказывала, обшивала всех – и своих, и сельских. Люди были благодарны и поддерживали семью чем могли. Правда, последнее время машинка больше простаивала – бедствовал народ – не было у людей ни ситца, ни ниток. Муж порывался вынести ее в кладовку, чтобы не мешала, а Полина возражала и частенько, чтобы муж видел, садилась за машинку, поднимала деревянный короб и принималась смазывать механизмы, работать педалью, наблюдая за мелькающей иглой.

– Зачем ты в холостую строчишь? – с иронией упрекал жену Семен. – Надо вынести ее в кладовку, чтобы не занимала место.

– Чтобы не заржавели механизмы, – деловито отвечала Полина. – Вдруг кому-то срочно пошить надо будет.

– Что ты в самом деле... – распаялся муж. – Жрать людям нечего...

– Ничего. Не всегда же так будет, – накрывая коробом машинку, спокойно парировала Полина. – Появятся и ткань и нитки, вдоволь. Вот тогда и заработает наша кормилица.

– Когда это будет?

– Пусть стоит. Будет, – отрезала Полина.

И машинка оставалась на прежнем месте.

Теперь же она сыграла и трагическую роль – об её станину хозяйка распоролла себе лицо. Дети кинулись к матери, а чужак выбежал вон. От страха ревели уже все. С помощью детей Полина встала и, оправляясь от боли, поплелась следом за чужаком, придерживая на лбу тряпицу, насквозь пропитавшуюся кровью.

– Мама, мама, – сквозь слезы звали дети.

– Быстро под одеяла, – приказала Полина и поспешила на кухню, из которой доносился лязг сбрасываемой на пол посуды.

Появление хозяйки не остановило «в ушанке», который успел разгромить все в кухне и собирался прямо на глазах женщины опрокинуть стол, но не получилось и он собирался выйти, когда его внимание привлек чугунок на плите. «В ушанке» сорвал с него крышку, чтобы бросить на пол. Замешкавшись, что-то прикинул в уме, зашвырнул крышку за спину и пристальнее осмотрел чугунок. Пальцем провел по стенке и даже нагнулся понюхать пустоту чугунка.

– Здесь варили мясо, – тихо произнес он, растирая на пальцах остатки жира. «В ушанке», как хищник перед нападением, закрыл глаза и тут же взорвался криком, хватая хозяйку за грудки:

– Так говоришь, ничего нет!? Мясо варила?! – брызжа слюной на лицо женщины, в истерике орал «в ушанке». Полина молчала, зло сжав зубы и играя желваками. «В ушанке» оттолкнул её в сторону и ринулся в кладовую. Женщина последовала за разъяренным мужчиной, но от свалившейся беды силы внезапно покинули её, и она опустилась на лавку у кухни. Слезы тихо покатались по её щекам. Из кладовой доносился грохот погрома, учиняемого чужаком. Неожиданно в кладовой все стихло. Женщина даже забеспокоилась – все ли в порядке?

– Это что?! Ничего нет! – взорвался новым приступом ярости чужак. Он выбежал из погреба, держа в руках пол-литровые банки с закатанным мясом. – Я тебе покажу «ничего нет»! – и сильно ткнул банкой в лицо женщине. Полина от боли закусила губы, и солоноватый привкус снова выдавил слезы.

«В ушанке» больше не обращал внимания на плачущую хозяйку, а носился из кладовой на улицу, вынося банки с мясом и, выставлял их на цементный пол вдоль дома. Пробегая мимо

женщины, он грозил кулаком и, злорадствуя, скрывался в кладовой за новыми банками. Приступ отчаянной смелости обуял Полиной. Откуда только и силы взялись. Она стремительно проскочила в летнюю кухню и, вооружившись скалкой, принялась молотить по выставленным банкам и, как «в ушанке» топтал ее вещи в комнате, так же топтала мясо.

– Пусть подохнут ваши выродки! – задыхаясь от лютой ненависти, горлом шипела Полина, и очередная банка разлеталась на мелкие осколки. С двух сторон к разбушевавшейся женщине бежали «в ушанке» и директор. Кузьмич успел первым схватить обезумевшую бабу, не давая больше ничего разбивать, но «в ушанке» не собирался этим ограничиваться. Он с силой начал избивать женщину ногами. Кузьмич бросился к товарищу, стараясь обхватить того и спасти женщину от жестоких побоев. Два мощных удара обрушились на Кузьмича, оглушив и отбросив мужчину в сторону. Избавившись от директора, «в ушанке» продолжил с остервенением избивать ногами упавшую на землю женщину. Его злобе не было конца. Под ударами кирзовых сапог тело женщины корчилось на цементном полу, пятная кровавыми разводами белый снег. Женщина хрипела, пытаясь сплюнуть кровь, заполнявшую рот и нос и делая попытки встать. В какой-то момент «в ушанке» замер, озираясь по сторонам. Могло показаться, истерзанный вид женщины, остудил мужчину, но не тут-то было. Взгляд его бегал по разбросанному по всему двору мясу. Новый приступ ярости охватил его, «в ушанке» схватил кусок мяса и стал заталкивать женщине в окровавленный рот.

– Я тебя накормлю! – шипел он в разбитое лицо женщины.

Неизвестно чем бы все это закончилось, если бы на помощь женщине не кинулся Кузьмич, пришедший в себя. Сильным ударом он откинул «в ушанке» в снег.

– Панкрат Ильич! Успокойся! – заорал он, потрясая головой, шумевшей от ударов. – Пойдешь под суд! Я этого так не оставлю!

Но «в ушанке» не собирался сдаваться. Между мужчинами завязалась потасовка. Крепко сцепившись – один призывая успокоиться, а другой безумно рыча – мужчины катались по земле. Сколько бы это продолжалось, кто бы победил, неизвестно, но неожиданно кто-то позвал:

– Товарищи! Может, хватит безобразничать?

Крепко держа друг друга за грудки, борющиеся все-таки обернулись и увидели у ворот группу мужиков, зло взирающих на происходящее. Рядом с ними, переминаясь с ноги на ногу и посмеиваясь в бороду, стоял дед Гаврила.

– Все! – отрывая от себя руки Кузьмича, рывкнул «в ушанке». – Ты! – поднимаясь с земли, показал он на верзилу среди глазающих. – Иди за мной. И ты за мной, – коротко бросил он директору, сидящему в снегу и тяжело дышащему.

Оба чужака и верзила следом направились в кладовку. «В ушанке» уложил в два мешка оставшиеся банки с мясом. Затем достал мешок с кукурузой.

– Этот мешок бери ты, – показал «в ушанке» директору. Тот молча повинился и, волоча мешок, удалился. – Возьми мешок и ты, – приказал «в ушанке» пришедшему с ними верзиле. Мужик был в овечьем козухе без рукавов, видно, рукава уже сварили, подпоясанном какой-то старой веревкой. Он стоял в дверях, насупившись и тоскливо наблюдая за чужаком.

– Нет, ничего я не буду брать, – глухо сказал мужик, глядя в глиняный пол, – не могу я оставить детей голодными, – и взгляд его зло сверкнул. – Шел бы ты, мил человек, подброду.

«В ушанке» зло сплюнул, кинул мешок с кукурузой на плечо, а мешок с банками – подмышку и, оттолкнув верзилу, вышел, на прощание процедив:

– С тобой, мы еще разберемся.

Двор вмиг опустел. Следы произошедшего безобразия быстро скрывали сумерки. Дед Гаврила, прикрыв овечьим тулупом дочь, поглаживал её по спине, примостясь на корточках рядом с лежащей в снегу женщиной. От холода Полина продрогла, и её начинало колотить.

– В дом надо, Полюшка, – позвал дочь Гаврила, но та не ответила, а молча встала, подбирая из снега платок.

– Кто это? – одними губами спросил Гаврила, за руку останавливая дочь.

– Тихо, – резко одернула отца Полина. Она и сама замерла, вслушиваясь к звукам с улицы, пытаюсь угадать, на что похоже странное попискивание или мяуканье, но голодное село молчало.

– Показалось, – оправляя одежду, проговорила она, и стала пристально всматриваться в снег вокруг.

– Я все собрал дочка, – тихо сказал Гаврила, продолжая прислушиваться. – Там, все в кухне, в тазу.

В этот момент снова кто-то запищал, и уже более отчетливо было слышно. Отец и дочь замерли, стараясь угадать место, откуда доносились звуки.

– Из магазина, – одними губами проговорил Гаврила.

– Коты, что ли? – неуверенно предположила дочь.

Звуки не повторились, и Полина направилась в дом.

– Пойду, погляжу, – засобирался отец.

– Тьма кромешная, чего увидишь? – вдогонку возразила дочь.

– Ночь звездная. Да и луна светит, разгляжу, – Гаврила решительно отпирал калитку. – А нет, так тому и бывать.

Полина укладывала спать полуголодных детей. Отец вернулся и тихо направился прямо к иконе, лампада которой стала сильно потрескивать, как будто зная, с чем пришел старик. Гаврила, на ходу нашептывая молитву, размашисто перекрестился и поклонился в пол. Окончив молитву, он сел на край кровати и принялся причитать и словно обезумевший, мотылять ногами.

– Батя, ты чего? – с тревогой дочь наблюдала за странным безумием отца. – Что там?

– Изверги, изверги, – только и смог произнести Гаврила.

– Да, что ты там увидел?! – забеспокоилась Полина. Она подошла к отцу и хорошенько потрянула его за грудки. От этого с глаз Гаврилы словно стряхнули пелену безумия.

– Дитё там брошенное, – только и смог вымолвить Гаврила, и по его впалым щекам показались слезы.

– Кем брошенное? – не понимала отца Полина.

– Этими, что нас ограбили.

– А-а, – она равнодушно отвернулась. – Пусть подышает.

Полина принялась подтыкать одеялами детей, чтобы тепло сохранялось лучше. К утру остынет комната, а подтопить нечем. Сухие кукурузные кочерыжки распределены так, чтобы по чуть-чуть топить каждый день.

Напуганные, заплаканные, дети скоро заснули. Дед Гаврила ворочался на лавках с боку на бок, пока тоже не замер. И только Полина никак не могла заснуть. Мерцающий свет лампы отражался в глазе, второй заплыл от побоев, но слёзы тихо катились из обоих. Откуда они только брались эти слезы? Полина обтирала слезы с отекавшего лица и пыталась удержать равновесие от всхлипывания грудь.

– Мама! – позвал Митя.

– Спи, – Полина положила ладонь на голову сына, успокаивая.

– Писять.

– Ведро за дверью, – Полина через себя спустила мальчишку на пол. – Скоренько. Холодно.

– Мама, снег идет, – сказал вернувшийся Митя.

– Снег – хорошо, – укрывая сына, согласилась Полина. – К стене отворачивайся. Спи.

Сама же, чтобы никого не разбудить, потихоньку встала и вышла во двор. Снег большими хлопьями медленно, но обильно опускался на землю, мигом все накрывая. Еще сомневаясь в правильности принятого решения, но уже бодро вышагивая к калитке, Полина на ходу надевала тулуп. На улице она бежала в сторону магазина. Обойдя здание магазина со всех сторон, она все сугробы разворошила ногами. Глаз случайно выхватил сугроб на дне канавы у мостка. Полина спустилась в канаву и гребанула обеими руками. Сугробом оказалась куча старой листвы вперемешку с мусором.

– Где же тебя искать? – шаря глазами по канаве, нервно шептала Полина. Она было собралась уйти, но что-то подтолкнуло её, и Полина с силой вонзила руки в кучу листвы и, ухватившись за тряпицу, рванула к себе. Вместе со снегом и гнилой листвой она достала намотанный из тряпок сверток. Быстро содрав с себя овечий тулуп, Полина уложила в него все, что сгребла, и побежала домой.

– Отец вставай! – вбегая в дом, приказала Полина. – Маруся, Фёдор, быстро снега принесите. Федя, в корыто для теста снега накидай.

Полина положила тулуп на стол и развернула. Облепленный гнилыми листьями вперемешку со снегом, обмотанный-перемотанный тряпьем, в тулупе лежал ребенок. С виду ему было около четырех лет, неизвестно, сколько голодал этот ребенок. Голод мог сделать поправку.

– Зачем притащила домой? – Гаврила аж вскрикнул: – А если помрет, хлопот не оберемся! Видишь, какие звери...

– Тате*, за снегом! – оборвала отца Полина, а сама принялась очищать ребенка от листьев и снега. Она потрепала ребенка по головке и, просунув палец ему в ладошку, попросила:

– Прижми. Пожалуйста, прижми, – Полина пошевелила в ладошке ребенка пальцем. – Надо прижать, – взмолилась Полина прислушивалась всем своим материнским существом к жизни малыша. – Вот и молодец! – похвалила она ребенка, уловив едва ощутимое шевеление пальчиков. – Вот и молодец.

Она быстро сняла лохмотья с ребенка и осмотрела его. Это была хилая, измученная недоеданием, замерзшая девочка. Полина стала хватать снег из корыта и быстро растирать полуживое тельце – ручки, ножки.

– Маруся, принеси отцовскую нательную рубашку, – отдавала распоряжения детям Полина. Все семейство не спало. Гаврила читал молитвы и крестился, прерывая свое занятие только для того чтобы погладить внуков по головам.

– Всем по кроватям, – приказала детям Полина. – Всем спать.

Она уже закончила растирать и завернула девочку в рубаху. Быстро оголившись по пояс, Полина прилаживала замотать ее у себя на груди.

– Тате* помоги, – попросила Полина отца. Она перебросила концы платка через плечо и талию, которым прижала к себе девочку, и ожидала, пока отец завяжет.

Долго еще прислушивалась Полина в темноте к жизни в детском теле и все никак не могла глаз сомкнуть. Передумала обо всем и что ждет ее и семью, если девочка умрет. И что она скажет мужу, если девочка выживет. И долго плакала, пытаясь выстроить в колыбельную рыдания, выпуская их через сжатые зубы. Как теперь будут переживать зиму – все припасы потеряли. Какие бы мысли не тревожили Полину, но она чутко прислушивалась к дитяти у себя на груди. Полина ждала и дождалась. Девочка, наконец тяжело и прерывисто вздохнула, словно задыхаясь и выдохнула успокаиваясь. Затем она зашевелилась, удобнее устраиваясь на теплом теле чужой матери, и ровно задышала. Уснула. Полина тоже уснула.

Разбудила Полину тишина в доме. Она открыла глаза и увидела обступивших её детей, пристально рассматривающих выглядывающее из платка личико мирно спящей девочки.

Полина попыталась улыбнуться расплывшимся от побоев лицом, но от боли только отвернулась. Вытащив руку из-под одеяла, Полина погладила по голове младшего Митю.

– Мама! Правда, её зовут Марийка? – поинтересовался Митя.

– Правда, – не поворачиваясь, ответила Полина.

– Мама! А, правда, детей аисты приносят? – снова спросил Митя.

– Правда.

Дувар – (болгарское) у Бессарабских болгар забор из камня и глины. Сверху каменный забор цементировали сферой.

Тате – по-болгарски папа.

Каруца – (болгарское) телега.

Табаки – болгарское село в Одесской области (бывшая Бессарабия). Основано в 1812 году.

Тать – вор.

Монах Прокопий

Рассказ

Всю долину реки Днестр, как молоком, заволокло густым туманом, в котором утонули и мохнатые ели, и крыши домов села, присоседившегося на правом берегу. Прохладная ночь лениво выбеливалась в тумане. Свод стылого солнца уже показался над холмами, выкрасив округу в кармазинный цвет. Лесные тропинки сонно змеились в ожидании ранних ходоков. Над гладью, казалось, застывшей реки тянулась туманная перелина. Она оседала на поверхность воды и тут же пропадала, выхваченная случайным всплеском стремительного течения.

В селе заскрипели калитки, замычали уставшие от ночного застоя коровы, продрали голоса проспавшие рассвет петухи. Где-то храпнула лошадь и глухо ударила копытом.

Собирая туман в завихрении, к реке торопно приближался как маленькая скала, грузный человек. Его плоские сандалии, сплошь состоящие из швов ручной починки, подшаркивая, мягко ложились на землю. Это спешил за рассветом неопределенного возраста монах Прокопий. Одной рукой он отклонял попадающиеся на пути ветки, а другой прижимал к брюху густую чёрную бороду исходившую от самых глаз. Он не высматривал прохода, а уверенно обходя топи, пробирался к огромному камню, который отделялся от берега узеньким ериком, сквозь утыканным пиками молодого камыша. Подбрав ряску, монах лихо перескочил на камень, придерживавшись за густые ветви ивы, ниспадающие в воду. Потоптавшись на огромном валуне, монах повалился на колени и, пригнувшись грудью к самому камню, жменей зачерпнул из реки и, довольно крякнув, сполоснул руки, растирая водную прохладу. Потряхивая кистями, Прокопий осмотрелся вокруг. Оба берега густо закрывались гигантскими ивами. Его пристальный взгляд остановился на огромном дереве, на том берегу, в который крутым изгибом врезалась река. Старая ива улеглась на воду, словно многочисленными локотками оперевшись ветками о поверхность реки. Монах многозначительно покачал головой. Когда-то это было самое высокое и могучее дерево. Но берег, годами подмываемый течением, отступил, и ива завалилась, удерживаясь от затопления корнями, которые еще крепко сидели в земле и спасали. Могучая её крона распласталась по воде и струилась, заигрывая с течением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.